

ДЕЛО «КАСТЕЛЛС (CASTELLS) против ИСПАНИИ»

Постановление суда от 23 апреля 1992 г.

В деле “Кастеллс (Castells) против Испании”,

Европейский суд по правам человека, заседая, в соответствии со статьей 43 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (“Конвенции”) и соответствующими положениями Регламента Суда А, в виде Палаты, составленной из следующих судей:

г-н Р. Риссдал, Председатель,

г-н Тор Вильямсон,

г-н Р. Макдональд,

г-н Я. Де Мейер,

г-н С. К. Мартенс,

г-жа Э. Палм,

г-н Р. Пекканен,

г-н А. Н. Луазу,

г-н Х. А. Карильо Салседо, специально привлеченный Судья,

а также г-н М. –А. Эйссен, секретарь, и г-н Х. Петцольд, заместитель секретаря,

Проведя 29 ноября 1991 г. и 26 марта 1992 г. совещания при закрытых дверях,

Выносит следующее постановление, которое было принято 26 марта 1992 г.:

ПРОЦЕДУРНЫЕ ВОПРОСЫ

1. Дело было передано на рассмотрение Суда Европейской комиссией по правам человека (“Комиссией”) и Правительством Королевства Испания (“Правительством”) 8 и 21 марта 1991 г., соответственно, в течение трехмесячного срока, предусмотренного статьей 32 п. 1 и статьей 47 Конвенции. Оно было возбуждено по жалобе (№ 11798/85) против Королевства Испания, поданной в Комиссию 17 сентября 1985 г. испанским подданным, г-ном Мигелем Кастеллсом, в соответствии со статьей 25.

Запрос Комиссии основывался на статьях 44 и 48 и на декларации, в которой Испания признала обязательность для себя постановлений Суда (статья 46); обращение Правительства основывалось на статье 48 Конвенции. Предметом запроса и обращения было получение решения по вопросу о том, свидетельствуют ли материалы дела о нарушении Государством-ответчиком своих обязательств согласно статье 10 Конвенции, рассматриваемой отдельно или в сочетании со статьей 14.

2. В ответ на запрос, сделанный в соответствии со статьей 33 п. 3 (d) Регламента Суда А, заявитель сообщил о своем желании принять участие в судебном разбирательстве и, будучи юристом, ходатайствовал о том, чтобы самому изложить свою правовую позицию, воспользовавшись помощью двух коллег — испанских адвокатов (статья 30 п. 1 Регламента).

15 апреля 1991 г. Председатель Суда удовлетворил ходатайство заявителя и разрешил ему использовать испанский язык (статья 27 п. 3 Регламента).

3. В состав Палаты, которая должна была разбирать дело, *ex officio* (по должности) вошли г-н Х. М. Моренилья как избранный судья испанской национальности (статья 43 Конвенции), и г-н Р. Риссдал как Председатель Суда (статья 21 п. 3 (b) Регламента). 22 марта 1991 г. в присутствии секретаря, г-н Ф. Матчер, получивший надлежащие полномочия от Председателя Суда, путем жеребьевки назначил остальных 7 членов Палаты, а именно: г-на Тора Вильямсона, г-на Р. Макдональда, г-на Я. Де Мейера, г-на С. К. Мартенса, г-жи Э. Палм, г-на Р. Пекканена и г-на А. Н. Луазу (заключительное положение статьи 43 Конвенции и статья 21 п. 4 Регламента).

В письме Председателю Суда от 15 марта, г-н Моренилья уведомил его о своем намерении отказаться от участия в рассмотрении дела в соответствии со статьей 24 п. 2 Регламента, поскольку ранее он исполнял функции представителя Правительства Испании в Комиссии. 26 апреля Правительство уведомило секретаря, что специально для этого случая Судьей был назначен г-н Х. А. Карильо Салседо, профессор Севильского университета (статья 43 Конвенции и статья 23 Регламента).

4. Г-н Риссдал вступил в должность Председателя Палаты (статья 21 п. 5 Регламента) и, действуя через секретаря, провел с представителем Правительства (“Правительством”), представителем Комиссии и заявителем консультации по вопросам организации судебных слушаний (статьи 37 п. 1 и 38 Регламента). По получении соответствующих распоряжений и предписаний Председателя, Правительство и заявитель подали секретарю свои письменные соображения и замечания 29 июля и 29 августа 1991 г., соответственно. 25 сентября Секретарь Комиссии представил различные документы по запросу секретаря, а 5 ноября передал секретарю письменные соображения Представителя Комиссии.

5. В соответствии с решением Председателя, слушание дела проводилось публично во Дворце прав человека в Страсбурге 27 ноября 1991 г. Предварительно Суд провел подготовительное заседание.

Перед Судом предстали:

(a) со стороны Правительства —

г-н Х. Боррего Боррего, руководитель правовой службы по вопросам прав человека,
Министерство юстиции, Представитель,

г-н Х. М. Вильяр Урибарри, Министерство юстиции, Советник;

(b) со стороны Комиссии —

г-н Л. Лукаидес, Представитель;

(c) со стороны заявителя —

г-н М. Кастеллс, адвокат, заявитель,

г-н Х. М. Монтеро, адвокат,

г-н Э. Вилья, адвокат, Советники,

г-н Я. Верваеле, профессор,

г-н Д. Корфф, помощники.

Суд заслушал выступления г-на Боррего Боррего со стороны Правительства, г-на Лукаидеса со стороны Комиссии и, со стороны заявителя — самого г-на Кастеллса, г-на Монтеро, г-на Вилья и г-на Верваеле, а также их ответы на заданные им вопросы.

ФАКТИЧЕСКАЯ СТОРОНА ДЕЛА

6. Г-н Мигель Кастеллс, испанский подданный, проживает в Сан-Себастьяне (Гвипускоа) и имеет там адвокатскую практику. На время совершения оспариваемого нарушения он был сенатором, избранным по партийному списку “Херри Батасуна” — политической группировки, выступающей за независимость Страны Басков.

А. Конкретные обстоятельства дела

1. Оспариваемая статья

7. В номере еженедельного журнала “Пунто и Ора де Еускалхерриа” от 4—11 июня 1979 г. за подписью заявителя была опубликована статья “Возмутительная безнаказанность”. Ниже приводится текст этой статьи:

“Через несколько дней, в праздник святого Фермина, исполнится ровно год с момента убийств Хермана Родригеса в Памплоне (Ируна) и Хосеба Барандиарана в Сан-Себастьяне (Доности). Власти не установили личность преступников, совершивших эти злодеяния. Они не смогли даже указать, членами каких организаций являются преступники. Ничего не было предпринято властями и для того, чтобы установить личность преступников, которые убили, в период между 12 и 15 мая 1977 г. — 63-летнего Грегорио Маричалара Айестарана и 78-летнего Рафаэля Гомеса Хауреги в Ортуэлле; 14 мая того же года — Хосе Луиса Аристисабала в Сан-Себастьяне, и примерно в те же самые дни и в том же самом городе — Исидро Сусперрегви Альдекоа, которому было больше 70 лет; в начале июня того же 1977 г. — Хавьера Нуньеса Фернандеса в Бильбао; 3 марта 1976 г. — Франсиско Аснара Клементе, Педро Мариа Мартинеса Осио, Ромуальдо Барросо Чапарро, Хуана Хосе Кастильо и Бьенвенидо Переда Морала в Гастеисе, и, в том же самом году, 7 марта — Висенте Антона Ферреро в Басаури, 9 мая — Аниано Хименеса и Рикардо Пельехеро в Монтехурра, в июне — Альберто Ромеро Солиньо в Эйбаре, в сентябре — Хесуса Мариа Сабала в Фуэнтеррабиа, в ноябре — Сантьяго Наваса и Хосе Хавьера Нуина в Сантестебане, и 10 июля — Норми Менчака в Сантурсе; 24 июля и 25 июля 1978 г. — 16-летнего Хосе Эмилио Фернандеса Переса в Апатомонастерио и 15-летнего Фелипе Карро Флореса в Сестао. Я упомянул здесь только убитых, и список этот далеко не исчерпывающий. Это всего лишь отдельные примеры. Ни одно, я повторяю, ни одно убийство из бесконечного списка совершенных в Стране Басков (Эускади) фашистских злодеяний, не было раскрыто властями. Будут ли установлены личности преступников, убивших совсем недавно Эмилию Ларреа, Роберто Арамбуру, Хосемари Итурриоса, Агуртцане Аррегви, Аргала, Хосе Рамона Анса и Гладис дель Эсталя? А когда я говорю “совсем недавно”, я вынужден указать дату — 9 июня 1979 г. — ибо завтра будут другие жертвы.

А еще остаются сотни случаев, — ведь счет их и впрямь идет на сотни, — когда люди с пистолетами наготове врывались в бары деревень и пригородов (Аморебьета, Дуранго, Эгиа, Лойола и т.д.) и наносили ранения и увечья всем попавшимся им под руку, — часто те же самые злодеяния совершались прямо на улице среди бела дня; когда бомбы закладывались в популярных местах отдыха населения (Пунто и Ора, Бордатксо, бар “Алай”, бар “Санти”, Аскатасуна и т.д.) или в автомобилях. Для многих уцелевших жертв таких нападений жизнь превращается в кошмар.

Преступники, совершающие данные злодеяния, действуют, продолжают работать и остаются на своих ответственных постах в обстановке полной безнаказанности. Не было выдано ни одного ордера на их арест. Ни разу не было составлено и опубликовано описание примет лиц, совершивших эти преступления. В газетах так и не появилось ни списков подозреваемых, ни фотороботов преступников. Стоит ли говорить, что не была объявлена награда за помощь в поимке преступников, не было проведено не только арестов подозреваемых, но и даже обысков в их домах? В средствах массовой информации не появилось ни одного обращения к населению с просьбой о помощи, что

часто происходит при расследовании других дел. Важно отметить, что в связи с данными преступлениями такого рода помощь даже не принимается. В прессе полностью отсутствовали официальные коммюнике с обвинениями в адрес лиц, совершивших данные преступления, и осуждением их действий, как в случае других судебных дел.

В распоряжении находящихся у власти партий правого крыла имеются все средства (полиция, судебная и пенитенциарная система) для розыска и наказания лиц, совершивших так много преступлений. Но не беспокойтесь, разве станут правые разыскивать самих себя?

Правоэкстремистские организации? До смерти Франко никто в Стране Басков и подумать не мог, что можно добиться ареста или осуждения за “незаконное объединение” даже одного члена, не говоря уже о руководителях, таких организаций, как “Трипле А”, “Баскско-испанский батальон”, “Батальон Гесалага”, “АТЕ”, штурмовой отряд “Адольф Гитлер”, штурмовой отряд “Муссолини”, “Новый порядок”, “Омега”, “Общественное испанское движение”, “Национальное испанское действие” или “Партизаны Царя Христа”. Никто не может подумать об этом и сейчас.

Арестованные члены “ЭТА”? Сотни из них были брошены за решетку. Лица, подозреваемые в том, что они состоят в “ЭТА”? Тысячи из них были задержаны в полицейских участках. Сочувствующие? Можно продолжать этот список до бесконечности. И в то же время никто никогда не побеспокоил ни одного руководителя или члена “Трипле А”.

За общественный порядок и уголовное преследование отвечают сегодня те же самые люди, что и прежде. А у нас в Стране Басков не произошло никаких изменений в том, что касается климата безнаказанности и вопросов ответственности.

В период, когда Ибанес Фрейре был генеральным директором Гражданской гвардии, а Фрага — министром внутренних дел, наблюдался резкий рост так называемой правоэкстремистской активности в Стране Басков. Сейчас мы имеем дело с тем же самым явлением.

Рост активности групп, вольных действовать, как им заблагорассудится, обычно сопровождается в Стране Басков усилением служб безопасности.

Эти командос, — надо же как-то их назвать — чувствуют себя в Стране Басков как у себя дома, и это в центре общины, настроенной по отношению к ним явно враждебно. Это прямо-таки непостижимо, ибо этому нет ясного объяснения. Они обладают точной информацией для совершения своих нападений, зачастую более подробной, чем та, что имеется в распоряжении местных жителей.

У них есть серьезные досье, информация в которых поддерживается на самом современном уровне. Они получают значительную подпитку оружием и деньгами. Они обладают неограниченными материалами и ресурсами и действуют в обстановке полной безнаказанности. Принимая во внимание выбор времени для их операций и условия, в которых они проводятся, можно сказать, что им заблаговременно гарантирована правовая неприкосновенность. Люди видят это, и бессмысленно пытаться запретить им это делать.

Это важно для людей. В Стране Басков это важнее, чем все временные планы автономии, демократического консенсуса и другой бессмысленной и абстрактной чепухи, потому что именно это — видимая, осязаемая действительность, с которой люди сталкиваются каждый день.

Откровенно говоря, я не верю, что названные мной ранее фашиствующие объединения существуют независимо от государственного аппарата и вне его. Другими словами, я не верю, что они существуют на самом деле. Несмотря на все их внешние различия, это всегда одни и те же люди.

За этими действиями может стоять только Правительство, партия Правительства и их люди. Мы знаем, что они намереваются все в большей степени использовать в своих политических целях в качестве политического инструмента беспощадную травлю баскских диссидентов и физическое их устранение. Если они хотят быть настолько политически недальновидными, это их проблема! Но ради будущих жертв нашего народа ответственные за происходящее должны быть немедленно установлены и преданы широкой огласке”.

2. Уголовное преследование в отношении заявителя

(а) Судебное расследование

8. 3 июля 1979 г. органы прокуратуры возбудили против г-на Кастеллса уголовное преследование за оскорбление Правительства (статья 161 Уголовного кодекса; см. п. 20 ниже). Суд, в компетенции которого находилось проведение расследования, — Верховный Суд — обратился в Сенат с ходатайством о лишении заявителя парламентской неприкосновенности. Сенат удовлетворил это ходатайство 27 мая 1981 г. большинством голосов.

9. 7 июля 1981 г. Верховный Суд предъявил заявителю обвинение в грубом оскорблении Правительства и гражданских служащих (статьи 161 п. 1 и 242 Уголовного кодекса). Принимая во внимание наказания, предусмотренные за подобные преступления (тюремное заключение сроком от 6 до 12 лет, см. п. 20 ниже), Верховный Суд распорядился о предварительном помещении г-на Кастеллса под стражу; однако учитывая его высокое общественное положение как сенатора и то, что вменяемые ему преступления “не представляют угрозы для общества”, разрешил освободить его под залог.

28 сентября 1981 г. суд изменил свое предыдущее решение. Он согласился на временное освобождение заявителя при том единственном условии, что он должен был регулярно отмечаться у судьи. В дополнение к уже упоминавшимся обстоятельствам, он подчеркнул, что на допросах г-н Кастеллс оказывал всяческое содействие следствию и неоднократно заявлял, что целью его статьи было вовсе не нанесение оскорблений или угроз Правительству или его членам, а политическое осуждение той неблагоприятной ситуации, которая сложилась в Стране Басков.

10. 12 декабря 1981 г. помощники заявителя по защите заявили отвод четверем из пяти членов соответствующей палаты Верховного Суда. Утверждалось, что их политические убеждения и посты, которые занимаемые ими при прежнем политическом режиме, лишают их права участвовать в разбирательстве дела, касающегося свободы выражать свое мнение лицом, которое, как заявитель, было известным противником этого

политического режима. При этом помощники заявителя ссылались на статью 54 п. 9 Уголовно-процессуального кодекса.

После ряда предварительных заявлений, одно из которых повело к постановлению Конституционного Суда от 12 июля 1982 г., в котором Верховному Суду предписывалось признать требование об отводе судей приемлемым, Верховный Суд на пленарном заседании 11 января 1983 г. отклонил требование об отводе. Верховный Суд высказал мнение, что хотя судьи действительно работали в Палате по уголовным делам Верховного Суда при прежнем политическом режиме, а один из них с 1966 по 1968 г. председательствовал в Суде общественного порядка, в то время они просто применяли действующее законодательство.

4 мая 1983 г. Конституционный Суд отклонил поданную г-ном Кастеллсом жалобу в процедуре ампаро, в которой он заявлял о нарушении статьи 24 п. 2 Конституции (право на беспристрастное судебное разбирательство). По мнению Суда, тот факт, что политические убеждения указанных судей могут отличаться от убеждений заявителя, не имеет прямого или косвенного отношения к разрешению спора в смысле статьи 54 п. 9 Уголовно-процессуального кодекса.

11. Тем временем, расследование дела продолжалось. 3 февраля 1982 г. государственный прокурор пришел к заключению, что собранные факты свидетельствуют о наличии состава преступления по статье о нанесении грубых оскорблений Правительству, и потребовал для заявителя приговора сроком на 6 лет тюремного заключения.

В своих промежуточных соображениях от 2 апреля 1982 г., адвокаты защиты утверждали, что в оспариваемой статье содержались достоверные сведения и выражалось не личное мнение ответчика, а взгляды широкой общественности. Они выразили готовность представить доказательства достоверности приведенных в статье сведений. В частности, они предложили компетентным органам предъявить отчеты о полицейских расследованиях и арестах членов праворадикальных групп, ответственных за осуждаемые в статье нападения. Поскольку опубликованные данные общеизвестны, их нельзя назвать оскорбительными. Кроме того, адвокаты защиты просили Суд заслушать показания 52 свидетелей, в том числе членов Бельгийского, Итальянского, Французского, Английского, Ирландского и Датского парламентов, членов Европейского парламента, по вопросу парламентской практики в отношении свободы политической критики; они утверждали, что ответчик действовал в качестве выборного представителя и в соответствии с налагаемыми на него этим званием обязательствами.

12. В своем решении от 19 мая 1982 г. Верховный Суд отказался допустить большинство выдвинутых защитой доказательств на том основании, что они ставили целью показать достоверность распространенных сведений.

В академических кругах и даже в прецедентном праве самого Верховного Суда существовали различные точки зрения по вопросу о том, можно ли ссылаться в свою защиту на достоверность фактов (*excerptio veritatis*), когда речь идет об оскорблениях в адрес государственных учреждений, однако проводившееся в то время реформирование Уголовного кодекса внесло в этот вопрос ясность: указанные учреждения не входят в сферу действия этой защиты, и статья 461 Уголовного кодекса допускает ее применение только в отношении гражданских служащих. Таким образом, доказательство, которое намеревалась представить защита, было недопустимым в проводившемся судебном

разбирательстве; при этом за ответчиком сохранялось право возбудить уголовное дело, как он сочтет необходимым.

Г-н Кастелсс подал апелляцию, однако 16 июня 1982 г. Верховный Суд оставил свое решение в силе на том основании, что правильность сведений не имеет решающего значения в деле об оскорблении Правительства.

Вслед за этим заявитель направил в Конституционный Суд жалобу в процедуре ампаро. В ней он утверждал, что были нарушены его права на защиту. Конституционный Суд отклонил эту жалобу 10 ноября 1982 г., высказав мнение, что рассматриваемый вопрос можно разрешить только в свете всего судебного разбирательства и только после решения суда первой инстанции.

(а) Судебное разбирательство

13. Палата по уголовным делам Верховного Суда провела слушание 27 октября 1983 г. и вынесла решение 31 октября. Она приговорила заявителя к тюремному заключению сроком на один год за оскорбительные, но не грубые высказывания в адрес Правительства; в качестве дополнительного наказания ему было запрещено в течение того же самого периода работать в государственных учреждениях и заниматься своей профессиональной деятельностью. Кроме того, заявитель должен был оплатить все издержки по ведению судебного разбирательства.

В том, что касается объективного элемента состава правонарушения, Палата по уголовным делам пришла к заключению, что, во-первых, употребленные в статье выражения были достаточно сильными; они наносили вред репутации потерпевших сторон и выказывали оскорбительное отношение заявителя к органам государственной власти. Что касается субъективного элемента состава правонарушения, Палата по уголовным делам посчитала, что положение г-на Кастелсса как сенатора обязывало его ограничиться теми вполне очевидными средствами наблюдения за деятельностью Правительства и критики его действий, которые предусмотрены Правилами процедуры Сената; поскольку заявитель не воспользовался этими средствами, у него нет оснований утверждать, что он действовал от имени своих избирателей. Второй аргумент защиты, основанный на цели политической критики, не устранял преступный умысел, но уменьшал его значение. В рассматриваемом случае, оскорбления, нанесенные с целью политической критики, преступили допустимые границы такой критики и продемонстрировали намерение заявителя опорочить Правительство. Поэтому предпочтительнее было применить статью 162 Уголовного кодекса, касающуюся оскорбительных, но не грубых высказываний в адрес Правительства, а не статью 161. Что касается конституционного права на свободу слова (статья 20 Конституции; см. п. 19 ниже), оно не является абсолютным, а ограничивается некоторыми другими правами, в частности правом на уважение и на личную жизнь, а также правом на контроль за использованием собственного изображения. Кроме того, тот факт, что оскорбление появилось в печатной статье, наводит на мысль, что оно явилось результатом более сложного интеллектуального процесса и уровня рассуждения, что делало его более ясным и точным.

Наконец, Верховный Суд подтвердил свое решение от 19 мая 1982 г. относительно допустимости достоверности фактов как средства защиты.

Г-н Каstellлс заявил в Верховном Суде о своем намерении подать жалобу в процедуре ампаро против данного решения, ссылаясь при этом, среди прочего, на статьи 14, 20, 23 и 24 Конституции. Он подал жалобу 22 ноября 1983 г.

14. Принимая во внимание обстоятельства дела, 6 декабря 1983 г. Верховный Суд отсрочил исполнение приговора о тюремном заключении на два года (статья 93 Уголовного кодекса), но оставил в силе дополнительное наказание. Исполнение последней меры было, однако, приостановлено Конституционным Судом 22 февраля 1984 г.

3. Жалоба в Конституционный Суд

15. В жалобе, поданной 22 ноября 1983 г. в процедуре ампаро, г-н Каstellлс утверждал, что ему не удалось добиться рассмотрения решения Верховного Суда в суде высшей инстанции. Он также жаловался на затягивание разбирательства дела.

Кроме того, он утверждал, что, отказав ему в разрешении представить свои доказательства, суд тем самым нарушил принцип презумпции невиновности. С его точки зрения, осуждение кого бы то ни было, а тем более, как в данном случае, сенатора, за высказывания, которые являются правдивыми и достаточно важными, чтобы привлечь к ним общественное внимание, без предоставления ему возможности доказать достоверность этих высказываний, в корне противоречит самым элементарным нормам правосудия.

Он также утверждал, что был нарушен принцип равенства перед законом (статья 14 Конституции), рассматриваемый отдельно или в сочетании с правом на свободу слова (статья 20), так как другие лица публиковали похожие статьи, и никто их за это не преследовал. Кроме того, он заявил, что было нарушено его право на ведение политической критики, которое, по его утверждению, было закреплено в статье 23, в той степени, как она применялась к нему как сенатору. По его мнению, данное положение, гарантирующее право на участие в общественных делах, давало ему право исполнять свои парламентские обязанности с помощью любых общедоступных органов или средств.

В кратком изложении своих претензий заявитель вновь сослался на статью 20 Конституции.

16. В своих соображениях от 22 марта 1984 г., государственный прокурор указал, что статья 14 гарантирует равенство перед законом, а не равенство за пределами закона. Что же касается жалобы, основанной на статье 23, она частично совпадает с предыдущей жалобой или основывается на недоразумении: разумеется, член парламента исполняет свои обязанности не только в Сенате, однако вне его стен он не пользуется парламентской неприкосновенностью; хотя он и может, как любой гражданин, критиковать действия Правительства, ему не следует забывать, что свобода слова имеет свои установленные Конституцией ограничения.

Со своей стороны, г-н Кастеллс в письме от 21 мая 1984 г. снова выразил готовность доказать достоверность своих высказываний, потому что это позволило бы продемонстрировать факт "нарушения оспариваемым приговором права "получать и передавать правдивую информацию с помощью любых средств распространения", закрепленного в статье 20 Конституции". Он также упомянул это право в своей жалобе по поводу отклонения этого предложения Конституционным Судом (20 июля 1984 г.) и в своих письменных соображениях от 21 февраля 1985 г.

17. Конституционный Суд отклонил жалобу 10 апреля 1985 г.

Резюмируя претензии заявителя в п. 2 части "Вопросы права" своего решения, Конституционный Суд, как и государственный прокурор, объединили те из них, которые касаются статей 14 и 23, без ссылки на статью 20: предполагаемое нарушение права на равенство перед законом, гарантируемое статьей 14, рассматриваемой отдельно или в сочетании со статьей 23, поскольку оспариваемое решение ограничивало возможности сенатора в сфере контроля, проверки и критики.

В пункте 6 Конституционный Суд указал, что к депутатской неприкосновенности следует подходить весьма строго, иначе она может стать инструментом нарушения прав других граждан; она теряет силу, когда наделенное ей лицо действует как простой гражданин, даже в качестве политического деятеля.

В пунктах 9 и 10 был рассмотрен главный вопрос: право полагаться на существенное доказательство в представлении версии защиты, и в частности, ссылаться в свою защиту на достоверность фактов в случае нарушений рассматриваемого типа. В этой связи суд отметил:

"Для оценки вопроса о предметности доказательства, которое предлагается предъявить суду, необходимо установить связь между этим доказательством и решающими положениями, которые следует сперва определить на основе утверждений сторон. Кроме случаев, когда факты являются очевидными или общеизвестными, суд не должен вмешиваться в это, в противном случае он подойдет к существу дела с предвзятостью, пусть даже и частичной... Судам предпочтительно избегать этого [такой предварительной оценки]; однако само по себе это не является нарушением конституционных прав, при условии соблюдения других прав защиты. Несмотря на то, что в данном деле суду, возможно, не следовало бы заранее высказывать свое мнение относительно достоверности фактов как средства защиты при оценке существенности доказательства, [это нарушение] посягает на конституционное право использовать существенное доказательство — особенно тогда, когда, как в настоящем случае, решение принято на единственном уровне юрисдикции — только в случае нарушения рассматриваемого материального права.

..."

Статья 161 Уголовного кодекса вызвала волну критики в академических кругах, потому что она ограничивает свободу слова. В любом случае, ее следует толковать в сочетании со статьей 20, которая гарантирует эту свободу. В этой связи, следовало принять, что уголовное законодательство может служить адекватным средством регулирования

осуществления основных прав при условии, что в нем будет признаваться неотъемлемое содержание права, о котором идет речь. Границы свободы информации и свободы мнения, вне всякого сомнения, лежат в области государственной безопасности, которую могут подвергнуть опасности попытки дискредитировать демократические учреждения. В заключение, вопрос о допустимости достоверности фактов как средства защиты в этой области касается исключительно толкования закона, а вопрос конкретного применения статьи 161 в рассматриваемом случае находится в пределах исключительной юрисдикции Верховного Суда.

18. 1 апреля 1986 г. Верховный Суд постановил, что заявитель полностью отбыл срок своего тюремного заключения. Впоследствии запись о его осуждении была аннулирована в соответствии со статьей 118 Уголовного кодекса. Поэтому ее нельзя больше обнаружить при исследовании уголовного прошлого заявителя, кроме случаев, когда запрос исходит от судей или судов в связи с новым уголовным расследованием.

В. Соответствующее законодательство

1. Конституция 1978 г.

19. В соответствующих статьях Конституции предусматривается следующее:

Статья 14

“Все испанские граждане равны перед законом. Запрещается любая дискриминация по признаку рождения, расы, пола, религии, убеждений и по любым иным условиям и личным либо общественным обстоятельствам”.

Статья 18

“1. Право на уважение, на личную жизнь и на семейную жизнь, а также право на контроль за использованием собственного изображения защищаются законом.

...”

Статья 20

“1. Признаются и защищаются следующие права:

(a) право свободно выражать и распространять мысли, идеи и мнения в устной форме, в письменном виде или с помощью иных средств воспроизведения;

...

(d) право получать и передавать правдивую информацию с помощью любых средств распространения. Право обращаться к пунктам законов, допускающих их несоблюдение по этическим, религиозным и другим принципам, в том числе ради сохранения профессиональной тайны, определяется законодательными актами.

2. Осуществление данных прав не может быть ограничено какой-либо предварительной цензурой.

...

4. В отношении прав, гарантированных в настоящей Части, данные свободы ограничиваются положениями обеспечивающих их актов и, в особенности, правом на уважение и на личную жизнь, правом на контроль за использованием собственного изображения и правом на защиту молодежи и детей.”

Статья 23

“1. Граждане имеют право участвовать в общественной жизни напрямую или через своих представителей, избираемых на периодически проводимых выборах на основе всеобщего избирательного права.

...”

2. Уголовный кодекс

20. Учредительным актом № 8/1983 от 25 июня 1983 г. в Уголовный кодекс были внесены серьезные изменения. За нанесение оскорблений Правительства им предусматриваются следующие наказания:

Статья 161

“Долгосрочным тюремным заключением (сроками от 6 лет до 12 лет — статья 30 Уголовного кодекса) наказываются:

1. Лица, нанесшие серьезные оскорбления, выдвинувшие ложные обвинения или угрозы... в адрес Правительства...;
2. ...”

Статья 162

“Если оскорбление или угроза, указанные в предыдущей статье, не являются серьезными, они должны наказываться краткосрочным тюремным заключением (от 6 месяцев до 6 лет — статья 30 Уголовного кодекса)”.

Данные положения располагаются в отдельной главе Уголовного кодекса. Указанная глава базируется на принципе власти (решение Верховного Суда от 19 мая 1982 г.; см. п. 12 выше) и предусматривает усиленную защиту жизни, свободы и чести высших должностных лиц Государства. Ложное обвинение Правительства было введено в число преступлений только в 1983 г.

21. В Части X Книги II Уголовного кодекса дается определение такие преступлений, как нанесение оскорблений и выдвижение ложных обвинений. Последнее заключается в незаслуженном обвинении человека в преступлении, подпадающем под категорию тех, которые должны преследоваться даже без жалобы (статья 453 Уголовного кодекса). С другой стороны, оскорбление — любое высказывание или действие, которое дискредитирует человека или выставляет его в неприглядном свете, в частности, путем обвинения его в совершении преступления того рода, которое может преследоваться только в случае подачи жалобы (статьи 457 и 458 Уголовного кодекса). Практическая важность данного различия заключается в том, что такое средство защиты, как доказательство достоверности фактов, допускается в случае ложного обвинения (статья 456), но не допускается в случае нанесения оскорблений, если только оскорбления не направлены в адрес государственных служащих и касаются действий, связанных с выполнением ими своих должностных обязанностей (статья 461 Уголовного кодекса).

В своем решении от 31 октября 1983 г. Верховный Суд определил, что достоверность фактов как средство защиты не может использоваться в связи с нанесением оскорблений одному из высших государственных учреждений: во-первых, оскорбления не касаются какого-либо конкретного должностного лица как такового, и, во-вторых, указанные учреждения пользуются дополнительной защитой в этой области по уголовному законодательству (см. параграфы 12 и 13 выше).

РАЗБИРАТЕЛЬСТВО В КОМИССИИ ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

22. В своей жалобе в Комиссию (№ 11798/85) от 17 сентября 1985 г., г-н. Кастеллс ссылаясь на статьи 6, 7, 10 и 14 Конвенции.

В частичном решении от 9 мая 1989 г. Комиссия признала неприемлемыми пункты жалобы, основанные на статьях 6 и 7. 7 ноября 1989 г. она признала приемлемыми остальные пункты жалобы. В своем докладе 8 января 1991 г. (статья 31) Комиссия пришла к заключению, что имело место нарушение статьи 10 (девятью голосами против трех) и что никакого отдельного вопроса на основании статьи 14 не возникает (единогласно). Полный текст выводов Комиссии и содержащихся в докладе двух особых мнений приводится в приложении к настоящему постановлению.

ВОПРОСЫ ПРАВА

I. О предполагаемом нарушении статьи 10 Конвенции

23. Г-н Кастеллс утверждает, что он стал жертвой нарушения права на свободу слова, в том виде, как она гарантирована статьей 10 Конвенции, которая гласит:

“1. Каждый имеет право свободно выражать свое мнение. Это право включает свободу придерживаться своего мнения и свободу получать и распространять информацию и идеи без какого-либо вмешательства со стороны публичных властей и независимо от государственных границ...

2. Осуществление этих свобод, налагающее обязанности и ответственность, может быть сопряжено с определенными формальностями, условиями, ограничениями или санкциями, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности, территориальной целостности или общественного порядка, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья и нравственности, защиты репутации или прав других лиц, предотвращения разглашения информации, полученной конфиденциально, или обеспечения авторитета и беспристрастности правосудия”.

Правительство оспаривает это утверждение заявителя, тогда как Комиссия согласна с ним.

A. Предварительное возражение Правительства

24. Правительство утверждает, как и ранее в Комиссии, что заявитель не исчерпал внутренних средств правовой защиты (статья 26 Конвенции). Возможно, “по тактическим соображениям” он не стал поднимать в Конституционном суде вопроса о якобы имевшем место нарушении его права на свободу слова, охраняемого в соответствии со статьей 20 Конституции. В своей жалобе, поданной в процедуре ампаро, он лишь косвенно ссылаясь

на эту статью, жалуясь на дискриминацию при осуществлении данной свободы; кроме того, он не упоминал ни о статье 10 Конвенции, ни об аналогичных положениях других международных документов. В соответствии с Учредительным актом, регламентирующим процедуру подачи и рассмотрения таких жалоб (№ 2/1979), ему надлежало четко указать и фактические обстоятельства, и те положения, которые якобы были нарушены. Отсюда следует, что г-н Кастеллс не дал Конституционному Суду возможности вынести решение по вопросу, который сейчас рассматривается в Суде.

25. В ответ на это заявитель утверждал, что в Конституционном Суде он специально ссылаясь на статью 20 Конституции. Прежде всего, сами обстоятельства, изложенные в его жалобе, поданной в процедуре ампаро, свидетельствовали, что предметом спора был типичный пример осуществления права на свободу слова, и со всей очевидностью доказывали вмешательство в это право. Более того, он письменно процитировал рассматриваемую статью, а в своей устной аргументации настаивал, что имело место нарушение статьи 20 в сочетании со статьей 14 Конституции (равенство перед законом). Верно, что в основном он строил свою аргументацию на более ограниченной основе — праве выборного представителя на основании статьи 23 Конституции выступать с критикой политического характера, но достаточно прочесть п. 10 части “Вопросы права” судебного решения по его делу от 10 апреля 1985 г., чтобы увидеть, что и вопрос о свободе слова в свете статьи 20 также был им поставлен. В этом пункте Конституционный Суд подробно исследовал вопрос о соответствии статьи 161 Уголовного кодекса, по которой он обвинялся и был осужден, конституционному принципу свободы слова (см. п. 15 и 17 выше).

26. Выразив свое согласие с заявителем, Комиссия прежде всего просила Суд констатировать, что рассмотрение данного возражения находится вне его компетенции.

27. По этому вопросу Суд ограничивается ссылкой на общую линию своей практики, которая нашла свое недавнее подтверждение в постановлении по делу *Б. против Франции* от 25 марта 1992 г. (Серия А, т. 232-С, стр. 45, п. 35—36).

Относительно существа возражения Суд отмечает, что статья 26 Конвенции должна применяться “с определенной степенью гибкости и без излишнего формализма”; достаточно, чтобы “жалобы, которые предназначены для последующего представления в учреждения Конвенции”, разбирались бы “по крайней мере по существу и в соответствии с формальными требованиями и в пределах сроков, установленных внутренним законодательством” (см. постановление по делу *Гуцарди против Италии* от 6 ноября 1980 г. Серия А, т. 39, стр. 26, п. 72, и судебное постановление по делу *Кардо против Франции* от 19 марта 1991 г. Серия А, т. 200, стр. 18, п. 34).

28. Заявитель ссылается на статью 10 Конвенции в двух аспектах: как он утверждает, его преследовали и осудили за защиту истины — истинные утверждения, соответствие которых действительности ему помешали установить в суде; кроме того, опубликованная им статья относится к области политической критики, заниматься которой — долг любого члена Парламента.

29. Г-н Кастеллс поднимал оба эти вопроса в Верховном Суде. Судебное решение от 31 октября 1983 г. отвергло довод достоверности фактов в связи с оскорблением Правительства, и признало, что заявитель преступил границы приемлемой политической критики (см. п. 13 выше).

30. В поданных заявителем аргументах в поддержку его жалобы от 22 ноября 1982 г. содержалась лишь краткая косвенная ссылка на статью 20 Конституции (см. п. 15 выше); в них, однако, были изложены рассмотренные ранее претензии заявителя.

Основывая свою жалобу ампаро на статье 23 Конституции, заявитель отстаивал как сенатор свое право критиковать действия Правительства, что, очевидно, является неотъемлемой частью свободы слова выборных представителей. Более того, Конституционный Суд признал это в своем резюме жалоб, объединив жалобу по статьям 14 и 20 с жалобой по статье 23 (см. п. 17 выше).

Заявитель также ссылаясь на свое право пользоваться презумпцией невиновности, а также на право приобщать к делу доказательства, подтверждающие достоверность его высказываний. Таким образом, он формулировал жалобу, напрямую связанную с предполагаемым нарушением статьи 10 Конвенции. Такой же вывод следует из позиции Конституционного Суда, который соединил вопрос о приобщении к делу доказательств с рассмотрением дела по существу, а именно нарушения, предусмотренного статьей 161 Уголовного кодекса, вопрос соответствия которой свободе слова был ранее изучен Судом (п. 9 и 10 части “Вопросы права” судебного решения от 10 апреля 1985 г.; см. п. 17 выше).

31. Суд, как и Комиссия, отмечает, что г-н Кастеллс ссылаясь на статью 20 Конституции как в своей жалобе ампаро, поданной в Верховный Суд, так и в письменном изложении своих аргументов от 22 ноября 1983 г. (см. п. 13 и 15 выше). В ряде последующих письменных обращений в Конституционный Суд он, в связи с доводом достоверности фактов, настаивал на своем праве “получать и распространять правдивую информацию” (см. п. 16 выше).

Нет сомнений, что причину неудачи жалобы ампаро следует искать в тех границах, которыми в то время ограничил свою компетенцию Конституционный Суд. В его понимании, проблема допустимости достоверности фактов как средства защиты в связи с нанесением оскорбления Правительства поднимает вопрос толкования закона, а не вопрос соответствия Конституции, и применением статьи 161 Уголовного кодекса в рассматриваемом деле должны заниматься общие суды (см. п. 17 выше; и, *mutatis mutandis* упоминавшееся ранее постановление по делу *Гуззарди против Италии* от 22 мая 1990 г. Серия А, т. 39, стр. 27, п. 72).

32. Следовательно, Суд полагает, что заявитель действительно поставил перед Конституционным Судом, “по крайней мере, в принципе”, вопросы, относящиеся к статье 10 Конвенции. Таким образом, возражение, что г-н Кастеллс не исчерпал внутренних средств правовой защиты, должно быть отклонено.

В. Об обоснованности жалобы

33. Согласно жалобе г-на Кастеллса, уголовное дело против него и последовавшее затем его осуждение за оскорбление Правительства представляет собой вмешательство в осуществление им права на свободу слова, в частности, потому, что ему не было позволено доказать достоверность содержащихся в его статье утверждений.

34. Ограничения и наказания, на которые он жаловался, несомненно, являются “вмешательством” в осуществление свободы, о которой идет речь. Для того чтобы такое вмешательство не противоречило статье 10, оно должно быть “предусмотрено законом”, направлено на достижение одной или более правомерных целей, указанных в статье 10 п. 2, и быть “необходимым в демократическом обществе” для достижения таких целей.

1. “Предусмотрено законом”

35. Не вызывает сомнений, что оспариваемое судебное преследование имеет правовое основание, а именно статьи 161 и 162 Уголовного кодекса. Заявитель этого не оспаривает, но он утверждает, будто не представлял себе, что ему будет отказано в таком средстве защиты, как доказательство достоверности его утверждений, особенно после принятия Конституции 1978 г. Он настаивал на том, что до 19 мая 1982 г. Верховный Суд никогда не рассматривал вопроса о нанесении оскорбления Правительства, и указывал, что в доктрине и судебной практике высказывались разные точки зрения относительно допустимости доказательств в целях защиты от обвинений в подобных преступлениях (статья 240).

36. В возражении Правительства указывалось, что по законодательству Испании, в частности по статье 461 Уголовного кодекса, доказательство достоверности распространенных сведений как средство защиты допустимо только тогда, когда оскорбления направлены против гражданских служащих, находящихся при исполнении служебных обязанностей; ни до, ни после 1978 г. Верховный Суд не позволял когда-либо использовать *exceptio veritatis* для оскорблений, которые не были бы направлены против отдельных личностей. Однако г-н Кастеллс оскорбил Правительство в целом.

37. Исходя из текста статьи 461 Уголовного кодекса, Суд считает такое толкование разумным. Прецедентов такого рода, по-видимому, не было — отсюда колебания, выказанные Верховным Судом в его решении от 19 мая 1982 г. (см. п. 12 выше), что, однако, не имеет значения: толкование охватывало в общей форме несколько возможных типов оскорблений и должно было применяться в новых ситуациях; вышеупомянутое решение ограничилось тем, что применило его к особым обстоятельствам (см. *mutatis mutandis* постановление по делу “Обсервер” и “Гардиан” против Соединенного Королевства от 26 ноября 1991 г. Серия А, т. 216, стр. 27—28, п. 53).

Поэтому Суд, как и Комиссия, считает, что нормы, регулирующие условия оспариваемого вмешательства, были достаточно предсказуемы, исходя из целей статьи 10 п. 2 Конвенции.

2. Правомерность преследуемой цели

38. Согласно утверждению заявителя, ни выдвинутое против него обвинение, ни последующее его осуждение не преследовали правомерной цели, подпадающей под действие статьи 10 п. 2. Действия, в которых он был обвинен, как признал сам Верховный Суд, не вызывали какой-либо тревоги; более того, как явствует из судебного решения от 31 октября 1983 г., целью вмешательства была не защита общественного порядка и национальной безопасности, а фактически — защита чести Правительства-ответчика.

39. Однако в своем решении от 10 апреля 1985 г., на которое ссылается Правительство, Конституционный Суд сделал упор на то, что безопасность государства может оказаться в опасности из-за попыток дискредитировать демократические институты (см. п. 17 выше). В своей статье г-н Кастеллс не просто описывает очень серьезную ситуацию в Стране Басков, — он обвиняет власти, в частности полицию, в пассивности и даже попустительстве организаторам преступной деятельности, подразумевая тем самым, что Правительство также несет ответственность.

Таким образом, можно сказать, и это соответствует точке зрения Правительства и Комиссии, что в конкретных обстоятельствах Испании 1979 г. судебное преследование заявителя было начато в целях “предотвращения беспорядков” в смысле статьи 10 п. 2, а не только для “защиты репутации... других лиц”.

3. Необходимость вмешательства

40. Г-н Кастеллс отметил свое согласие с Комиссией и подчеркнул чрезвычайную важность свободы слова для выборного представителя — выразителя мнений и забот своего электората. Эта свобода заслуживает дополнительных гарантий, когда обсуждаются вопросы, представляющие общественный интерес. Так было и в этом случае; спорная статья была частью широкой дискуссии о климате нестабильности, сложившемся в Стране Басков начиная с 1977 г. Осуждение заявителя призвано было скорее защитить власти от атак оппозиции, чем Правительство от необоснованных и порочащих обвинений; хотя разглашение фактов, о которых шла речь, ставило Правительство в неловкое положение, оно отвечало общественным интересам.

41. Правительство подчеркивало, что свобода слова не является абсолютной; она налагает определенные “обязанности и ответственность” (статья 10 п. 2 Конвенции). Г-н Кастеллс преступил обычные границы политической дискуссии; он оскорбил демократическое Правительство с целью его дестабилизации, причем сделал это в очень непростой, по сути своей критический для Испании период, а именно вскоре после принятия Конституции, когда группы разной политической ориентации равно прибегают к насилию.

42. Суд напомнил, что свобода слова, закрепленная в статье 10 п. 1, составляет одно из важнейших оснований демократического общества и является одним из главных условий его прогресса. При условии соблюдения требований статьи 10 п. 2, она применима не только к “информации” или “идеям”, которые встречаются благосклонно или рассматриваются как безобидные либо безразличные, но и в отношении тех, которые задевают, шокируют или беспокоят. Таковы требования плюрализма, толерантности и либерализма, без которых нет “демократического общества” (см., среди прочих, постановление по делу *Хэндисайд против Соединенного Королевства* от 7 декабря 1976 г. Серия А, т. 24, стр. 23, п. 49, и вышеупомянутое постановление по делу “*Обсервер*” и “*Гардиан*”. Серия А, т. 216, стр. 30, п. 59 (а)).

Свобода слова важна для всех, но это особенно справедливо, когда речь идет о выборных представителях народа. Они представляют свой электорат, привлекают внимание к его заботам и отстаивают его интересы. Соответственно, вмешательство в осуществление свободы слова члена Парламента от оппозиции, каковым является заявитель, требует самого пристального внимания со стороны Суда.

43. В рассматриваемом деле г-н Кастеллс выражал свое мнение не в зале заседаний Сената, что он мог бы сделать, не опасаясь санкций, а предпочел сделать это в периодической печати. Однако это не означает, что он был не вправе критиковать таким образом Правительство.

В этой связи не следует забывать особую роль прессы в правовом государстве. Хотя она и не должна преступать определенных границ, установленных в том числе и для предотвращения беспорядков и защиты репутации других лиц, тем не менее, на нее

возлагается обязанность передавать информацию и идеи по политическим вопросам и иным темам, представляющим общественный интерес (см. *mutatis mutandis* постановление по делу “Санди таймс” против Соединенного Королевства от 26 апреля 1979 г. Серия А, т. 30, стр. 40, п. 65, и вышеупомянутое постановление по делу “Обсервер” и “Гардиан”. Серия А, т. 216, стр. 30, п. 59 (b)).

Свобода печати предоставляет для граждан один из самых совершенных способов открывать для себя и вырабатывать мнение о взглядах и позиции своих политических лидеров. В частности, она дает политикам возможность высказываться по поводу того, что заботит общественное мнение, позволяет участвовать в свободной политической дискуссии каждому, что является стержнем понятия демократического общества (см. постановление по делу *Лингенс против Австрии* от 8 июля 1986 г. Серия А, т. 103, стр. 26, п. 42).

44. В своем решении от 31 октября 1983 г. Верховный Суд встал на ту точку зрения, что в рассматриваемой статье заявитель, хотя и незначительно, перешел грань между политической критикой и оскорблением путем использования определенных выражений (см. п. 13 выше).

45. Суд, как и Комиссия, отмечает, что г-н Каstellс начал с критики безнаказанности, которой пользуются члены различных экстремистских группировок, совершивших ряд нападений в Стране Басков начиная с 1977 г. Тем самым он рассказывал о фактах, представляющих большой интерес для общественного мнения того региона, где продается большая часть тиража данного периодического издания. Однако в своих выводах он выдвинул серьезные обвинения против Правительства, которое, по его мнению, несет ответственность за сложившееся положение (см. п. 7 выше).

46. Свобода политической дискуссии, несомненно, не является абсолютной по своей природе. Государства-участники могут подвергать ее определенным “ограничениям” или “санкциям”, но Суду принадлежит право выносить окончательное решение о совместимости этих мер со свободой слова, закрепленной в статье 10 (см. *mutatis mutandis* вышеупомянутое постановление по делу “Обсервер” и “Гардиан”. Серия А, т. 216, п. 59 (c)).

Пределы допустимой критики в отношении Правительства шире, чем в отношении рядового гражданина или даже политического деятеля. В демократической системе действия или упущения Правительства должны становиться предметом пристального внимания не только со стороны законодательных и судебных властей, но также и со стороны прессы и общественного мнения. Более того, занимаемое Правительством доминирующее положение обязывает его демонстрировать сдержанность, когда встает вопрос об уголовном преследовании за критику, особенно при наличии других средств ответа на неоправданные нападки со стороны его противников или средств массовой информации. Тем не менее, у компетентных органов государственной власти как гарантов общественного порядка должна оставаться возможность принятия мер, в том числе уголовно-правового характера, направленных на то, чтобы адекватным образом, без излишних эксцессов реагировать на безосновательные или недобросовестные обвинения порочащего характера.

47. В данном случае, г-н Каstellс неоднократно предлагал сначала Верховному Суду, а впоследствии и Конституционному Суду, установить, что приведенные им факты достоверны и хорошо известны; с его точки зрения, это лишало его утверждения какого-либо оскорбительного звучания (см. п. 11 и 16 выше).

19 мая 1982 г. Верховный Суд объявил такие доказательства недопустимыми на том основании, что нельзя использовать достоверность фактов как средство защиты, если речь идет об оскорблениях, направленных против государственных институтов (см. п. 12 и 13 выше); он подтвердил такое толкование в своем решении от 31 октября 1983 г. (см. п. 13 выше). Конституционный Суд решил, что это вопрос обычного толкования закона и в качестве такового находится за пределами его компетенции (см. п. 17 выше).

Поэтому заявитель при рассмотрении возбужденного против него уголовного дела по статье 161 Уголовного кодекса не мог ссылаться в свою защиту на добросовестность и достоверность фактов.

48. В возражении Правительства говорилось, что поскольку утверждения г-на Кастеллса не были достаточно точны, они не могли претендовать на то, что их правдивость будет подтверждена; более того, они носили оценочный характер, а в отношении таких утверждений критерий достоверности неприменим.

Этот аргумент не убедителен. Появившаяся в “Пунто и Ора де Еускалхерриа” статья (см. п. 7 выше) должна рассматриваться в целом. Заявитель начал ее с длинного списка нападения и убийств, совершенных в Стране Басков, затем подчеркнул, что они остались безнаказанными; далее в статье он утверждал о причастности к ним различных экстремистских организаций, которые он назвал, а в конце возложил ответственность за создавшееся положение на Правительство. На самом деле, достоверность многих из этих утверждений поддавалась проверке, а г-н Кастеллс обоснованно мог рассчитывать, что ему дадут возможность доказать свою добросовестность.

Невозможно судить, каков был бы результат разбирательства, если бы Верховный Суд согласился допустить доказательства, которые заявитель хотел приобщить к делу; но Суд придает решающее значение тому обстоятельству, что Верховный Суд объявил такие доказательства неприемлемыми применительно к рассматриваемому нарушению закона (см. п. 12 выше). Он считает, что такое вмешательство в осуществление свободы слова заявителя не было необходимым в демократическом обществе.

49. Правительство ссылается также на относительно мягкий характер наложенных санкций, но в свете предыдущего вывода Суд не обязан анализировать данный довод.

50. Суд решил, что имело место нарушение статьи 10.

II. Предполагаемое нарушение статьи 14 в сочетании

со статьей 10

51. Г-н Кастеллс требовал также признать его жертвой дискриминации, потому что другие люди высказывали подобные взгляды без наложения на них каких-либо уголовных санкций. Он ссылаясь при этом на статью 14, которая сформулирована следующим образом:

“Пользование правами и свободами, признанными в настоящей Конвенции, должно быть обеспечено без какой бы то ни было дискриминации по признаку пола, расы, цвета кожи, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального

происхождения, принадлежности к национальным меньшинствам, имущественного положения, рождения или по любым иным признакам”.

Правительство отрицало это утверждение заявителя.

52. Поскольку данный вопрос не является ключевым в деле, Суд не считает необходимым его рассмотрение (см., среди прочих, постановление по делу *Эйри против Ирландии* от 9 октября 1979 г. Серия А, т. 32, стр. 16, п. 30).

III. Применение статьи 50

53. В соответствии со статьей 50,

“Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне”.

54. Заявитель хотел прежде всего добиться публикации краткого изложения постановления Суда в газетах Страны Басков, Мадрида и других провинций страны, а также изъятия всякого упоминания о его осуждении из Центрального уголовного архива.

Суд указывает, что он не компетентен принимать такие обязывающие решения (см. *mutatis mutandis* постановление по делу “*Манифаттура ФЛ*” против *Италии* от 27 февраля 1992 г. Серия А, т. 230-В, стр. 21, п. 22).

A. Материальный ущерб

55. Г-н Кастеллс потребовал 375 000 песет в качестве компенсации за потерю заработка. Как обвиняемый, отпущенный под залог, он должен был пятьдесят два раза отмечаться в суде по месту жительства (Сан-Себастьян), и три раза в Верховном Суде в Мадриде (см. п. 8 и 9 выше), что привело к потере времени и возможностей в занятии им своей профессиональной деятельностью в качестве адвоката.

Суд придерживается той точки зрения, что данное ограничение вряд ли могло причинить ущерб г-ну Кастеллсу, т. к., будучи адвокатом, он часто посещал суды, о которых идет речь. Причинение ему материального ущерба, таким образом, не установлено.

B. Моральный вред

56. Заявитель потребовал также компенсации морального вреда, не называя конкретных цифр. Суд не исключает того, что заявитель действительно понес такой вред, но исходя из

обстоятельств дела, считает, что признание настоящим судебным решением факта нарушения само по себе представляет достаточно справедливое удовлетворение.

С. Издержки и расходы

57. В качестве компенсации издержек и расходов, понесенных им в испанских судах, г-н Кастеллс потребовал 2 181 476 песет. Суд присуждает ему только 1 000 000 песет, поскольку некоторые из представленных им сумм относились к тем жалобам ампаро, которые не были признаны Комиссией приемлемыми.

58. Наконец, заявитель хотел получить 3 328 000 песет за понесенные им издержки и расходы в органах Конвенции, а также 20 000 немецких марок, выплаченные в качестве гонораров г-ну Корффу и г-ну Верваеле.

Как и Правительство, Суд считает чрезмерным число адвокатов, представлявших г-на Кастеллса, который предстал перед Судом в сопровождении четырех адвокатов; следует также иметь в виду, что Комиссия объявила неприемлемыми некоторые из первоначально заявленных жалоб.

Проведя оценку по справедливости, Суд присуждает г-ну Кастеллсу компенсацию на общую сумму 2 000 000 песет.

По этим основаниям суд единогласно

1. *Постановил*, что он компетентен рассматривать предварительное возражение Правительства, но *отверг* его;
2. *Постановил*, что имело место нарушение статьи 10;
3. *Постановил*, что нет необходимости рассматривать дело по статье 14, в сочетании со статьей 10;
4. *Постановил*, что настоящее судебное решение представляет собой достаточное справедливое удовлетворение предполагаемого морального вреда в целях статьи 50;
5. *Постановил*, что Королевство Испания должно выплатить заявителю в течение трех месяцев 3 000 000 (три миллиона) песет в качестве компенсации за понесенные им издержки и расходы;
6. *Отверг* оставшуюся часть требований заявителя.

Совершено на английском и французском языках и оглашено во Дворце прав человека в Страсбурге 23 апреля 1992 г.

Марк-Андре Эйссен Рольф Риссдал

Секретарь Председатель

В соответствии со статьей 51 п. 2 Конвенции и статьей 53 п. 2 Регламента Суда к настоящему постановлению прилагаются отдельные мнения следующих судей:

(a) совпадающее мнение судьи Де Мейера;

(b) совпадающее мнение судьи Пекканена;

(c) совпадающее мнение судьи Карильо Салседо, специально привлеченного Судьи.

Совпадающее мнение судьи Де Мейера

Г-н Кастеллс приводит в оспариваемой статье длинный перечень убийств и нападений, совершенных в Стране Басков, и осуждает безнаказанность, которой пользуются лица, их совершившие, называя ее возмутительной. Он жалуется на бездействие властей, которые, по его утверждению, ничего не сделали для установления личности преступников, хотя те же самые власти выказали большое рвение “в других случаях”. Он усматривает в этом свидетельство сговора с виновной стороной и приписывает ответственность за “эти действия” Правительству и его сторонникам.

Это, несомненно, серьезные обвинения.

Однако, выдвигая их, он правомерно осуществляет свое право на свободу слова. Это право, как видно из материалов поступившего в Суд дела, оказалось нарушено, т. к. г-н Кастеллс был подвергнут судебному преследованию и осужден за обнародование своих взглядов по вопросу, представлявшему общий интерес; наказывать гражданина за такие действия в “демократическом обществе” недопустимо.

В этой связи безразлично, прав или не прав был г-н Кастеллс. Вопрос о достоверности фактов как средство защиты не имеет отношения к оценке ситуации; это тем более справедливо, что убийства и нападения, на которые делаются ссылки в статье, действительно имели место, а безнаказанность лиц, их совершивших, никто не отрицал.

Стоит также добавить, что в той мере, в какой это касается оскорблений, ложных обвинений и диффамации, нет никаких оснований предоставлять институтам государства большую защиту, чем частным лицам, либо охранять репутацию Правительства в большей мере, чем репутацию оппозиции.

Совпадающее мнение судьи Пекканена

В своей статье г-н Кастеллс вначале привел список убийств и нападений, происшедших в Стране Басков, и подчеркнул, что эти преступления остались нераскрытыми и безнаказанными. Он также упомянул о причастности к ним различных правоэкстремистских организаций. Из приведенных фактов он сделал вывод, что “за этими действиями могут стоять только Правительство, партия Правительства и их люди”.

Г-н Кастеллс был приговорен Верховным Судом за оскорбительные, но не грубые высказывания в адрес Правительства. Верховный Суд нашел, в числе прочего, что эти оскорбительные высказывания с целью политической критики превышают допустимые пределы такой критики и задевают честь Правительства. Верховный Суд придерживается мнения, что по испанскому законодательству ссылка в свою защиту на достоверность фактов (*exceptio veritatis*) недопустима в подобных случаях.

Суд придал решающее значение тому обстоятельству, что Верховный Суд Испании объявил недопустимой достоверность фактов как средство защиты по рассматриваемому преступлению. К сожалению, я не могу разделить данное мнение. Решающим в нарушении статьи 10 Конвенции, с моей точки зрения, является наказание г-на Кастеллса за то, что он посчитал Правительство ответственным за указанные инциденты и опубликовал свое мнение.

Относительно вопроса об *exceptio veritatis*, который подробно обсуждается в настоящем судебном постановлении, я полагаю, что для г-на Кастеллса оказалось бы невозможным доказать достоверность его мнения, выраженного в порядке политической полемики, — мнения, где утверждалось, что за всеми этими убийствами и нападениями стоит Правительство. Поэтому *exceptio veritatis* не имеет отношения к настоящему делу. Для обнаружения нарушения статьи 10 Конвенции достаточно того, что г-н Кастеллс был осужден за критику Правительства, совершенную им способом, который должен быть позволен в демократическом обществе.

Совпадающее мнение судьи Карильо Салседо

Я полностью разделяю точку зрения, высказанную Судом в пункте 46 постановления. Я хотел бы подчеркнуть, что свобода слова является одним из опорных столпов демократического общества. Но я должен также отметить, что осуществление этой свободы “налагает обязанности и ответственность” (статья 10 п. 2 Конвенции), и в ситуации, где насилие по политическим мотивам создает постоянную угрозу жизни и безопасности населения, бывает особенно трудно найти справедливое соотношение между потребностями защиты свободы слова и императивами защиты демократического государства.

Предусмотрев в п. 2 статьи 10, что осуществление свободы слова и мнений, свободы получать и распространять информацию и идеи “может быть сопряжено с определенными формальностями, условиями, ограничениями или санкциями, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе”, Конвенция признает, что эти свободы не являются абсолютными. Более того, Конвенция также признает тот принцип, что никакая группа лиц и никакое лицо не имеют права заниматься какой-либо деятельностью или совершать какие бы то ни было действия, направленные на упразднение признанных в ней прав и свобод (статья 17), что подразумевает, на мой взгляд, наличие у государств позитивных обязательств.

Поэтому у государств развязаны руки в принятии мер, в том числе уголовно-правового характера, которые направлены на соразмерную, без эксцессов и в соответствии с требованиями Конвенции, реакцию на недобросовестные и безосновательные порочащие обвинения.

© Перевод Института проблем информационного права (г.Москва), 2002